Ярослав Кичало

Солнечный клоун. Повесть

Ярослав Кичало

Солнечный клоун. Повесть

Серия «Счастье непостоянно», книга 13

https://litres.ru/74759132
SelfPub; 2026

Аннотация

Это пронзительная повесть о человеке, который подарил миру свет, но сам слишком часто оставался в темноте. Это история легендарного Олега Попова, рассказанная не сухим языком биографических справок, а через призму его живой, ранимой и бесконечно преданной манежу души.

Перед читателем развернётся удивительный и полосатый, как его знаменитая клетчатая кепка, жизненный путь артиста. От первых робких шагов на советском манеже и случайной находки коронного образа до оглушительного триумфа в Монте-Карло, где его таланту рукоплескала мировая элита. Но за блеском золотых наград и всемирной славой скрывалась глубокая личная драма: глухое, многолетнее соперничество с другой глыбой советского цирка — Юрием Никулиным, потеря любимой жены, разруха девяностых и горький уход в эмиграцию с негласным манифестом: «Не я Родину забыл, а Родина меня забыла».

Содержание

Предисловие 4
Глава 1 Кепка набекрень 6
Глава 2 Поймать свет 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Ярослав Кичало
Солнечный клоун. Повесть

Памяти Великого Артиста, научившего нас ловить солнце

Предисловие

Мы привыкли помнить его улыбающимся. Пышная рыжая копна волос, неизменная клетчатая кепка набекрень, широкие полосатые брюки и озорной взгляд человека, который знает о радости всё. Для миллионов советских людей, а позже — для зрителей по всему миру, Олег Попов был не просто артистом. Он был самим воплощением детства, тепла и надежды. Его звали Солнечным клоуном, и казалось, что над его личным манежем никогда не заходят тучи.

Но за кулисами любого великого праздника всегда прячутся тишина и тени. За блеском золота престижных наград, признанием королей и мировым триумфом скрывалась глубокая, полосатая, как его кепка, человеческая драма. Это была жизнь, полная глухого соперничества, горьких потерь, административного равнодушия и, наконец, вынужденного из-

гнания с ранящим манифестом на устах: «Не я Родину забыл, а Родина меня забыла».

Эта повесть — не попытка воссоздать сухую документальную биографию. Это попытка заглянуть в обнажённую, беззащитную душу большого Художника. Разглядеть за громким цирковым смехом тихие слёзы одиночества, а за эксцентричными трюками — великую преданность своему призванию. Эта история о том, как вопреки зависти, нищете девяностых и долгим годам чужбины, человек сумел сберечь своё главное сокровище — простое карманное зеркальце, которым он всю жизнь ловил для нас лучи света.

Переверните страницу. Прожекторы уже зажглись. Запах каучука и опилок застыл в звенящем ожидании. Солнечный клоун делает свой первый шаг на манеж. Шагните вместе с ним.

Глава 1 Кепка набекрень

В саратовском небе солнце стояло тусклое, словно засиженное мухами. Молодой парень с копной непослушных волос стоял у мутного зеркала в гримёрной, пытаясь совладать с упрямым гримом. Белила ложились неровно, подчёркивая угловатые, ещё совсем мальчишеские скулы.

Рядом, тяжело вздыхая и попыхивая папиросой, сидел старый мастер манежа, дядя Миша.

— Не мучай лицо, Олег, — хрипло сказал он, глядя на мытарства парня. — Клоун не в краске живёт. Он живёт в глазах. Вот ты в эксцентрику метишь, на проволоке прыгаешь, жонглируешь... А зачем? Кому доказать чего хочешь?

Олег повернулся, стирая рукавом белое пятно со щеки. Глаза его блеснули.

— Хочу, чтобы дышать забывали, дядь Миш. Когда человек смеётся, он будто... ну, чище становится, понимаешь? Мне на заводе, у станка, всегда неба не хватало. Там над головой годами висел тяжёлый, плоский бетонный потолок, покрытый серой копотью, который словно придавливал тебя к железной станине. А в цирке всё иначе. Здесь поднимаешь глаза — и голова кружится. В цирке небо круглое, как купол. Синее, бескрайнее, залитое светом прожекторов. Под таким небом и дышится по-другому, и кажется, что ты можешь дотянуться рукой до самого солнца.

— Круглое-то круглое, — старик прищурился, выпуская струю едкого дыма. — Только на манеже характер нужен. Узнаваемость. А ты сейчас блеклый, как мыло. Ну-ка, поройся в костюмерной, поищи себя.

Олег послушно залез в огромный деревянный сундук, где грудой лежали брошенные, отжившие свой век вещи. Рука наткнулась на плотную, шершавую ткань. Он вытащил кепку — огромную, в крупную чёрно-белую клетку, с чуть потрёпанным козырьком. Парень примерил её, сдвинул набекрень. Из-под козырька смешно, веером выбились непослушные рыжие волосы.

— О! — дядя Миша даже привстал, уронив пепел на брюки. — Гляди-ка. Чистый подсолнух в кепке. Ты её не снимай, сынок. Она теперь твоя голова.

— А почему клетка? — тихо спросил Олег, глядя на своё странное, преобразившееся отражение. Внутри что-то щёлкнуло — маска наконец обрела живое лицо.

— А потому, что жизнь твоя полосатая будет, Олег. То чёрное, то белое. Главное, чтобы козырёк солнце от людей не загораживал.

Эта саратовская поездка была его первыми большими гастролями далеко от дома — суровым крещением на чужом манеже, где молодому артисту пришлось срочно подменять заболевшего товарища. А дома, в Москве, Олега ждала Саня — Александра, тоненькая, как тростинка, цирковая скрипачка. Олег закрыл глаза, и мысли мгновенно унесли его на-

зад, в те тёплые весенние дни, когда они, ещё совсем юные и бедные студенты, часами гуляли по подмосковным лугам после репетиций. Они мечтали о будущем куполе, деля один батон на двоих. Именно там, на одном из лугов, она сорвала простую полевую ромашку и протянула ему: «Это твоё маленькое солнце, Олег. Пусть оно всегда будет с тобой». Попов привёз эту ромашку с собой в Саратов как самый дорогой оберег, бережно засушив и спрятав глубоко под подкладку новой клетчатой кепки. Теперь, на чужой арене, эта ромашка согревала ему макушку, напоминая о доме.

Глава 2 Поймать свет

Тот вечер в Ленинграде пятидесятых годов был промозглым и тёмным. Зрители шли в цирк греться — и душой, и телом.

Олег стоял за кулисами. Ему дали всего пять минут между номерами именитых акробатов. Запах каучука, опилок и разогретого манежа — всё застыло в звенящем ожидании.

Олег чувствовал как бешено колотится сердце. В руке он сжимал обычное карманное зеркальце в дешёвой пластмассовой оправе — свой тайный инструмент, его главный секрет, о котором никто в зале не должен был догадаться.

Зритель верил в чистую, непорочную магию. Люди думали, что прожекторный луч на манеже оживает сам по себе, послушный одной лишь воле клоуна. Но за кулисами Олег знал суровую и прекрасную правду цирка: чудо — это ювелирный, посекундный расчёт. Там, высоко под самым куполом, на шатком мостике замер прожектorист Коля. Его руки лежали на раскалённом ободе тяжёлого осветительного прибора. Коля должен был вести световое пятно по песку по строго выверенной, отрепетированной до сантиметра траектории, а Олег — дышать с этим лучом в один такт, подыгрывая его капризным прыжкам.

Но самый главный фокус, та самая точка, ломающая реальность, зависела только от Олега и этого осколка стекла в

его ладони. Когда в финале репризы прожектор Коли должен будет погаснуть, зал на долю секунды погрузится во тьму. И именно в это мгновение Олег, незаметно повернув кисть, должен пустить от своего маленького зеркальца крошечный, едва уловимый ответный блик прямо внутрь чёрной авоськи. Этот обманный зайчик, рождённый из кулисного отсвета, заставит людей поверить, что клоун действительно украл у темноты кусочек живого солнца и унёс его в сумке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.